

СВИДЕТЕЛЬСТВА БЕЗЦЕННЫЕ

Скоро минет 60 лет с той поры, как отошел к Богу блаженный старец Иоанн Оленевский. Сколько с тех пор воды утекло, но память о нем и поныне хранится в сердцах многих людей. Еще живут среди нас те, кто при жизни знал старца, имел великое счастье видеть его, общаться с ним, прибегать к его помощи и молитвам. В Оленевке и Соловцовке, Старой Каменке и Большой Валяевке, в Телегино и Кучках, в Сердобске и Пензе спросите людей, убеленных сединой, с лицом, рассеченным морщинами старости, знали ли вы батюшку Иоанна Оленевского? Они и сегодня вам скажут: «Старца-то Ивана Васильевича, оленевского-то батюшку? Как не знать. Не раз ходила к нему моя мать. Прозорливец был: все знал, как сквозь человека смотрел. Как скажет, так и выходило. Да и сама я его видела еще девочкой».

Так и звали его, кто отец диакон, кто батюшка, иные Иван Васильевич, а самые близкие – дедынькой. И не потому, что не почитали его, или не знали, как обратиться, а потому что близким и родным человеком он был для многих, любящим отцом и всяк шел к нему со своей бедой.

Иной ответит вам: «Откуда только не ходили к нему, кто с чем. Всегда у его кельи народ был. Ездили к нему и на поезде, и пешком ходили. Доброй, святой жизни был человек. Сколько ходил к нему мой отец, и сколько раз помогал, предсказывал, исцелял...». И тут в пору садись и записывай рассказ. Так и было собрано множество свидетельств и случаев молитвенной помощи отца Иоанна, оказанной разным людям, в разное время. Но таких людей, кто видел и лично знал батюшку, все меньше и меньше с каждым годом, а скоро не будет их и совсем. Однако люди уходят, а воспоминания, слава Богу, остаются и они воистину безценны. В них повествуется о широком почитании старца в обществе, об удивительных встречах с ним, рассказывается о глубокой вере, сохранившейся в народе, несмотря на гонения, прекрасно передается дух того времени.

Не так давно просили мы одну почтенного возраста жительницу города Пензы Марию Тимофеевну Иссинскую, урожденную Митину (1925 г. р.), рассказать о впечатлениях, полученных от встречи со старцем. И вот что поведала она:

«Это не только впечатления, это моя судьба, это моя жизнь. Я родилась в селе Калдуссы Чембарского уезда. Окончила 7-летнюю школу, затем 2-месячные учительские курсы в Чембаре. Три года я проработала в сельских школах: сначала в Кевдо-Вершине, а потом в Аргамаково. Было это во время войны. Когда я работала четвертый год, то поступила в Пензенский пединститут заочно. А такое жела-

ние было учиться в институте на очном отделении и быть настоящей студенткой. Но это было очень трудно устроить. После двух лет обучения в 1948 году приехала я в Пензу на летние экзамены. Старшая сестра устроила на квартиру, где жили женщины. В один из вечеров, они о чем-то оживленно говорили. Я невольно прислушалась. Разговор шел о некоем старце из Оленевки, как они к нему ездили и какие он творит чудеса. И так мне захотелось поехать к нему, но денег не было ни рубля. Только был у меня перстенок с изображением женщины. На следующий день шла я по базару, и одной прохожей мой перстенок очень понравился, и она захотела купить его. На руках у меня оказалось 4 – 5 рублей – как раз на поездку в Оленевку. Поехала к отцу Иоанну сразу. Ехал целый вагон и все к нему. Поднялись в горку. У кельи его – травка, лужайки. Все расселись. Его нет – он на службе. Около часа отдохали. И вот, наконец, по улице едет подвода, на ней сидит седой изможденный старец, в скуфейке, в рясе, с крестом на груди. Двое человек – кучера спустили его и провели в келью. Минут через пять на крыльцо вышла женщина и сказала: «Будет принимать». Очередь двигалась быстро, люди в келье долго не задерживались и выходили от него одухотворенные. Я зашла третьей или четвертой. В келье за столом сидел отец Иоанн, вот как мы сейчас с вами сидим друг против друга. На стенах были иконы. Я стала говорить: «Отец Иоанн, скажите, как мне быть. У меня есть работа, я работаю в школе, в селе. Могла бы выйти замуж, но хочу учиться в институте». Он мне только одно слово сказал: «Учиться» и благословил. Все произошло так быстро и в то же время так спокойно. За час он принял 40 человек.

Приехала я в Пензу. Был тогда известный человек Михаил Петрович Молебнов, преподаватель литературы и фольклора в институте. Поговорила с ним, чтобы перевестись на очное обучение, и он был не против взять. Пошли с ним к ректору. Михаил Петрович замолвил за меня слово. Ректор выслушал и тоже был не против взять, но с условием, чтобы два оставшихся экзамена сдать в течение первого месяца. Но это еще не все. Надо было решить вопрос с районо: отпроситься с работы было тяжело. Но все устроилось. В Чембаре заведующий районо не препятствовал, учиться отпустил. В сентябре сдала оставшиеся экзамены. Михаил Петрович Молебнов определил меня в группу, параллельную с группой моего будущего мужа Константина Анатольевича Иссинского. Так молитвами отца Иоанна состоялось и наше знакомство, а в 1951 году я закончила педагогический институт. Проработала учителем литературы и русского языка более 40 лет. Оформляли звание «Заслуженного учителя», но я отказалась. Имела множество благодарностей от учеников и начальства. За всю жизнь ни один из учеников не остался у меня на второй год».

Так по благословению отца Иоанна Оленевского устроилась жизнь Марии Тимофеевны. Почти 60 лет она прожила крепким браком со своим мужем Константином Анатольевичем – сыном расстрелянного священника Пензенской епархии.

Весьма ценны и глубоко искренни следующие воспоминания. «Я, Морозов Александр Иванович жил на станции Саловка и описываю некоторые запомнившиеся мне случаи (или факты) о прозорливости нашего блаженного, ныне покойного старца Иоанна Оленевского. Еще в 1936 г. мой отец работал на ст. Саловка стрелочником и поехал где-то осенью к старцу (его тогда называли «отец дьякон») за советом (время тогда было тревожное), и он сказал отцу, чтобы он скорее продавал дом и корову и уезжал в Пензу, но моя мать, хотя была верующей, не послушалась совета, за что через полгода, в 1937 г. отец был арестован и отбывал в тюрьме 6 лет. А накануне ареста за месяц он был у старца, и он сказал ему: «Ну, Иван, пришло тебе время страдать». Так все и произошло.

В 1943 г. мне было 16 лет и мы с отцом поехали к старцу (отец освобожден в 1942 г.) за советом и он велел мне поступать работать на железную дорогу, что я сделал и проработал 45 лет и с 1943 года по день смерти блаженного старца ездил к нему.

У моей матери были случаи тяжелого заболевания с операционными вмешательствами, но он не советовал их делать, а сказал: «Все пройдет», и по его молитве, Бог исцелил мать.

На фронте воевал мой старший брат, и мы не получали от него писем более полгода, и я поехал к старцу и он сказал: «Он жив и пришлет письмо через неделю», что в точности и подтвердилось.

В 1944 году призывают в армию моего отца (это был февраль месяц) и мы с ним поехали к старцу. Обычно он после 4 часов вечера никого не принимал, и мы сомневались, примет ли нас. Когда мы приехали, время было больше 5 часов. Подошли к дому, а тетя Наташа стоит у открытой двери и говорит: «Идите к нему, он ждет вас». Отец зашел первым и заплакал, хотя был сильным и мужественным человеком. Он благословил его и меня, перекрестил отца большим крестом. Хотя мы еще ничего не объяснили (причину), он сказал заранее: «Идешь воевать? Иди. Тебя не коснется ни одна пуля», что после фронта он и подтвердил. И когда в перерыве между боями он в своем взводе рассказал об нашем старце, то когда начинался артобстрел, под его шинелью прятался боец.

Мне также запомнился случай одной поездки к старцу в августе 1945 г. Мать тяжело заболела, ее повезли на пригородном поезде в Пензу, а меня она послала к старцу за советом. Когда я подходил к дому, из двери вышел военный, в орденах и в звании полковника, левой рукой он прикрыл глаза, а в правой – держал фуражку. Ког-

да я зашел к старцу, обычай всегда он вперед благословит, а потом спрашивает. Я спросил, делать операцию или нет, он сказал: «Не надо – пройдет». А потом говорит: «У меня был полковник, он хороший человек, я ему рассказал, какие он получил награды заслуженно, какие нет. Он плакал». Позже я видел его в Митрофановской церкви – дважды, в гражданской форме.

Что можно еще добавить мне о святости старца и молитвеннике нашем. Однажды пошел отец дьякон в лес за дровами, после обедни, а дело было летом, и не пришел домой, посчитали, что он переночует у знакомых. На другой день начали его искать везде, и пошли также в лес, и нашли его в глубокой яме, в которых раньше сжигали дрова на древесный уголь. Яма была отвесной 4 на 4 м. и глубина 3,5 м. Он был весь израненный, как бы исклеван птицами, на все вопросы он не отвечал. Здесь объяснять не надо, что он провел всю ночь в борьбе с темными силами.

Мой младший брат Геннадий Иванович работал электриком в оленевском совхозе и прислуживал старцу: заготавливал дрова, рубил их и другие работы [делал] и рассказал один случай. В большие праздники людей в солосцовской церкви всегда было много, и всегда служил с отцом Димитрием старец, и был обычай после обедни ходить к старцу за благословением. И вот однажды, это было на праздник Успения Божией Матери, из села Князевка Дарья пришла к старцу, а время было к вечеру, идти ей домой, или остаться на ночь в Оленевке, он благословил идти домой. Когда по дороге она подходила к лесу, недалеко сидел волк, но зная, что благословил старец, хотя и боялась, но не вернулась назад и, читая молитву, пошла мимо волка. Позже, где-то через месяц, она была в церкви, и по обычаю после обедни зашла к старцу за благословением. Он спросил ее, как ты в прошлый раз дошла до своего села. Она говорит, что у леса сидел волк, тогда старец сказал ей, что это был не волк, а «злой дух». На нее напал страх в его келье, а он улыбнулся и говорит: «Не бойся, здесь он тебя не тронет».

Все, что я описал здесь, это может незначительная часть всех фактов его прозорливости, если бы можно вести хронику всех случаев, то, наверное, можно было написать очень много и каждый человек, который ходил к нему за советом, чувствовал в нем необъяснимую силу Духа. После его совета, общения чувствуешь необъяснимую радость.

Моя бывшая хозяйка дома Евдокия Ивановна, часто ночевала у старца и по своей наивности однажды спросила старца: «Как ты узнаешь, какой человек хороший, какой плохой?». Он ответил: «Как же, у хорошего человека начертан крест на лбу, а у плохого нет». Вот так, а мы глазами, да еще в очках не видим ничего. 1/VIII-99».

Интересными воспоминаниями о посещении отца Иоанна поделилась жительница Москвы Наталья Ивановна Шунина. Это было в 1951 году, Наталья Ивановна была еще девочкой и часто болела. Жили они в Москве. А в Пензе на улице Ключевского в то время жила родная тетя маленькой Натальи Екатерина Михайловна Колесникова (Шунина) со своим супругом Григорием Васильевичем, который в 30-е годы возил старца Иоанна. Тетя Катя была набожная женщина, особо почитавшая святого старца. Она часто бывала у него и, зная о нездоровье племянницы, приглашала москвичей в Оленевку, к старцу, окрестить девочку. Мать Натальи очень боялась за состояние любимой дочери и была не против окрестить ее, но время для поездок на святые места было опасное. Паломничество в Оленевку стали планировать в сугубой тайне, как обычную поездку к пензенским родственникам. В Пензе москвичей встретила тетя Катя со своим мужем, и все вместе отправились к ней домой на Боевую улицу (ныне Ключевского). В Оленевку собирались на следующий день, а пока нужно было отдохнуть с дороги.

«Рано утром следующего дня, – рассказывает Наталья Ивановна, – тетя Катя и мама повезли меня в Оленевку на поезде. В вагоне нашими попутчицами оказались какие-то знакомые тети Кати. Когда тетя Катя сказала, что я ее племянница и чья я дочь*, все знакомые ее стали меня почему-то угощать «подушечками» и сушками. Набрался целый подол моего детского платица. Так я и ехала с угощениями на коленях до нужной станции. Перед выходом из вагона мама убрала в сумку мои сласти и баранки. От станции мы шли пешком, попутчицы нас обгоняли. Сияло яркое солнце. Дорога казалась очень длинной, и я все время искала пенек, чтобы посидеть-отдохнуть. Тогда тетя Катя понесла меня «на закорках», а мама семенила рядом и все приговаривала: «Катя, перестаньте, она же тяжелая! Катя, пусть сама идет, она уже большая».

В Оленевке мы сразу пошли к избушке отца Иоанна. Он сидел на постели. Ноги его были укрыты одеялом. Выглядел он очень древним. Женщина, которая ему прислуживала (тетя Наталья Калинина – прим. авт.), велела мне встать в таз. <...> Старец тихо читал какие-то молитвы. Я тогда не знала ни одной, хотя часто гостила у своей богомольной бабушки в Москве и ее сестрицы и наблюдала, как они молятся перед иконой Николая Чудотворца, как моя бабушка Елена читала своей неграмотной сестрице Варваре Псалтирь и житие Николая Мирликийского.

* Наталья Ивановна Шунина – дочь Ивана Михайловича Шунина (1901 – 1988). Он уроженец с. Оленевка. Работал в органах Госбезопасности в Москве. Был другом Петра Ивановича Афанасьева.

Меня обливали водой. Во время крещения тетя Катя стояла рядом со мной как «восприемница от купели» и чем-то помогала. А мама стояла в сторонке. Осенив меня троекратно крестным знамением, старец Иоанн положил свою ладонь на мою голову. Нет, не погладил по голове, а просто подержал свою длань несколько секунд. <...> Я почувствовала, как от его руки исходит особое тепло. И даже сила, хотя он казался очень немощным. Это трудно описать словами. Если я скажу, что старец словно вдохнул в меня свою жизненную силу, то, наверное, это будет слишком высокопарно».

В 1913 году в Оленевке, в семье старообрядческого старосты Григория Николаевича Ремезова (1893 – 1953) родилась девочка Шура – Александра Григорьевна Каюкова. Замечательны и чудесны эпизоды ее жизни, связанные со святым оленевским старцем.

Примерно в 1920 году, когда в Оленевке бушевали эпидемии тифа и других болезней, семилетняя девочка сильно заболела и уже была при смерти. Родственники готовились похоронить девочку. Сшили ей белое кружевное платьице, в котором хотели положить ее во гроб. Когда отец Иоанн узнал, что семья хлопочет о похоронах, то пришел и сказал: «Что вы делаете? Она еще всех вас переживет». И действительно, как ни тяжела была болезнь, девочка на радость всем поправилась и была сфотографирована в платьице, сшитом на случай смерти.

Долгое время Александра Григорьевна работала библиотекарем в оленевской школе, была женщиной грамотной, но мало верующей, к отцу Иоанну и в церковь ходила редко. Тем не менее, старец всегда относился к ней с большой любовью, звал ее к себе и, бывало, шутя, говорил: «Шурка, приходи ко мне, вот я умру, меня там твои сродники спросят, почему я тебя не благословил».

Александра Григорьевна Ремезова. Оленевка, 1920 г.

Однажды у Александры так сильно разболелся зуб, что она не выдержала и пошла к отцу Иоанну. Когда она зашла в келью, старец не дал ей проронить и слова, усадил рядом с собой, велел попить святой водички, да еще посидеть. Прошло некоторое время, старец стал ее спрашивать, зачем пришла? А она уже и забыла, зачем приходила, только потом вспомнила, что у нее сильно зуб болел.

Как и многие старые оленевцы, Александра Григорьевна была противницей перенесения мощей старца в Соловцовку. Хотела посмотреть на это, но в то время очень болела, подняться с постели не могла, а через 10 дней, 15 августа 1996 года почил с миром.

Каюкова Александра Григорьевна (слева). 1935 г.

Батюшка Иоанн, как уже говорилось, духом был связан со многими подвижниками благочестия и страдальцами за веру, при этом мог быть не знаком с ними лично – сам Господь открывал ему праведников. В годы гонений особенно жалел батюшка родственников репрессированных людей, прежде всего, священников. Им он уделял много внимания, всегда принимал их с особой теплотой по слову апостола: *в нуждах святых принимайте участие* (Рим. 12, 13).

В последние годы жизни старца к нему ходили дочери протоиерея Александра Абашева – Лариса Александровна (1915 - 2008) и Александра Александровна. В 1940-х годах о. Александр находился в одном из сталинских лагерей в Ярославской области и был осужден по 58 статье на 25 лет лишения свободы. Чтобы узнать об отце к старцу сначала отправилась Лариса. Она пробыла у него недолго, но ей запомнилось, что батюшка очень тепло беседовал с ней и напоследок сказал: «Ты только еще раз ко мне обязательно приходи». Видимо, сразу дать ответ отец Иоанн не мог, нужно было молиться, что бы Господь открыл судьбу исповедника. Но Лариса заболела и не смогла прийти, вместо нее к батюшке отправилась ее сестра Александра. Она рассказывала угоднику Божию, что отец находится

в заключении и как ему тяжело. Прозрев величие духа и исповеднический путь о. Александра, батюшка дал Шура для отца 5 рублей. И тут состоялся такой краткий разговор:

– Отче, папе дали 25 лет.

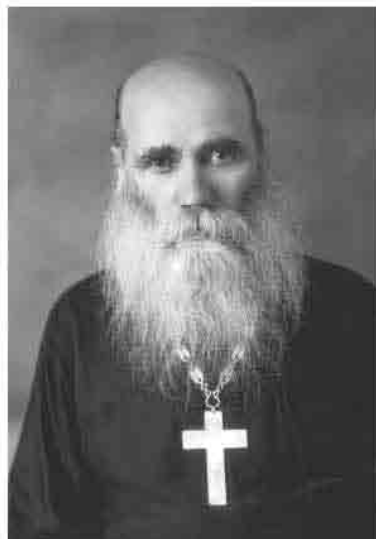
– Никаких 25 лет ему не будет, 5 и те не дойдут, – ответил старец.

– Батюшка, может, ему денег отправить? – спросила Шура.

– Вот отправил я ему 5 рублей, еще лишнее останется.

А дело вышло так. 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества заменили 6 годами, и тогда оставалось срока менее 5 лет. В 1954 году о. Александра освободили, но денег на дорогу до Пензы не выдали, здесь-то и пригодились ему 5 рублей от оленевского старца.

Интересны воспоминания проживающей в селе Надеждино Тамары Ивановны Обидиной, урожденной Ермилиной, 1936 года рождения. Ее брат Анатолий ходил к старцу в 1940 году, когда мать посадили в Еланскую тюрьму за колоски. Пришел Анатолий в Оленевку, около кельи – много народа. Что делать? Ждать, или возвращаться домой ни с чем? Только Анатолий так подумал, как вдруг из кельи выходит сам старец и рукой зовет его из толпы. Анатолий иногда покуривал. Подозвал его старец и говорит: «Ты не кури». Анатолий отвечает: «Батюшка, да я не курю». «Нет, – говорит старец, – ты хочешь – куришь, хочешь – не куришь, а ты совсем не кури, тебе не идет». Анатолий рассказал старцу, что мать посадили в тюрьму. Старец ответил: «Иди домой, по пути ее встретишь». Пошел он почему-то через Софьино, как никогда не ходили, и видит, со стороны Елани по дороге идет мать. Только трое суток просидела и ее выпустили.

*Протоиерей Александр
Назарович Абашев.
Пенза. 50-е гг.*

*Лариса Александровна
Козлова (Абашева). 2007 г.*

Свидетельством истинной христианской любви отца Иоанна к людям является рассказ рабы Божией Натальи Михайловны Резиковой, неоднократно посещавшей батюшку на протяжении своей долгой многострадальной жизни. Рассказ этот, написанный своеобразным языком полуграмотной женщины, исполнен, однако, горячей любви и глубокой благодарности великому угоднику Божию. Написанный в старой тетради, найденной в Пензенском Троицком женском монастыре, рассказ был передан авторам, и теперь, спустя много лет он, наконец, увидит свет. Ибо ничто не должно быть утаено из того, что служит к славе Господней и любые сведения о святых подвижниках имеют большую важность.

«Я, раба Наталья, посетила старца в 1934 году, когда к нему ходили на совет. Моя знакомая по работе позвала меня к старцу, так как надо было выйти замуж. Я, Наталья, его еще не знала, а она была у старца и мы с ней пошли пешочком, из Терновки до Оленевки. Это было весной. В 3 часа утра вышли и дошли до Симбухово, но там был карантин и нас не пустили. Мы попли лесом и заблудились. Моя подруга говорит: «Отец Иоанн, мы заблудились, помоги!». И тот час вышли на дорогу и быстро пришли в Оленевку. Подошли к его келье, а старец нас встречает, открыл дверь и говорит: «Идите». А подруга моя говорит: «Отец Иоанн, мы ведь заблудились в лесу». Он говорит: «Я знаю». Мы вошли в келью, помолились, и он стал спрашивать, что пришли?»

*Наталья Михайловна
Резикова*

– Мы пришли к Вам на совет, – говорит Агафья, – хотим выходить замуж.

– Выходи, а жених-то ваш?

– Да, я с ним вместе в школе училась.

– Да только повенчайся.

– Обязательно, – сказала Агафья, – у него мать и сестры – все верующие.

А у меня спросил: «А ты чья?». Я рассказала о себе, что у меня были две тетки монахини, когда был монастырь. Но старец их хорошо знал. И я сказала: «Я тоже за таким советом», но не получаю ответ. Я говорю: «Отец Иоанн, у меня нет крыши над головой и я хожу,

где день, где ночь», но опять не получаю ответ. Через некоторое время сказал: «Да. Раз выйдешь и два выйдешь, и не один мужик тебе

Монахини Пензенского Троицкого монастыря. Начало XX в.

домик не наживет, будешь одна». Но я не послушала совета грешная, сошлась, прожила 5 месяцев с ним на квартире... Он был горький пьяница, лодырь и блудной, его мне посоветовала родная сестра, я его не знала, а после совершила большой грех – погубила во чреве дитя и вот 60 лет омываю горькими слезами. Мужа ранили на войне и где погиб, неизвестно.

Я опять выхожу замуж. Это был очень хороший человек, которого я знала 10 лет и я с ним сошлась. Но только прожили 3 года и опять как в вертепе, осталась с 7-месячной девочкой на руках и она за мое непослушание ослепла. Слез пролила море, но доктор Малкин все же вылечил, а к старцу я идти боялась, думала он меня выгонит из кельи.

В 1943 году у моей дочки под правой коленкой появилась шишка величиной с куриное яйцо. Я пошла в больницу, и врачи предложили положить девочку на операцию. Мне мать моя говорит: «Поезжай в Оленевку, к старцу». Я поехала и покаялась в своем непослушании и рассказала про болезнь девочки. Старец дал мне водички и велел мочить тряпочку и прикладывать. Моя мать только три раза так сделала и прошла шишка.

Потом мы с матерью купили баньку, и я снова поехала к старцу и говорю ему: «Отец Иоанн, мы купили баньку, да нас беспокоят». Он сказал: «Скорее! Скорее продайте». А мы не смогли продать, потому что очень нагоревались на квартирах, были у всех рабами и работниками. И вскоре было на нас большое покушение, но, верно за его молитвы, мы остались живы. День были в баньке, а ночью уходили на квартиру. И еще было покушение, такое, что и описать трудно. Опять собираюсь к старцу, а сама думаю: «Что скажет старец? Я домой не вернусь, девочку сдадут в детдом, а сама как Господь поможет». Простилась я с дочкой и матерью, как только сознание не потеряла? Еду к старцу, не вижу и не слышу ничего и никого.

*Наталья Михайловна и её мать
Любовь Ивановна Резикова*

Приехала к нему, а он кричит: «Скорей, скорей иди ко мне, Наталья, расскажи скорее, что случилось». Я в слезах, говорю и задыхаюсь от горя, а старец выслушал меня и говорит: «Иди, иди домой. Ребенок маленький, а мать старая. А куда тебя будут вызывать, не ходи, молись». Перекрестил меня, и я не помню как, очутилась на вокзале. Это было зимой. Приехала на вокзал в 9 часов вечера, а надо идти в Терновку пешком, автобусы не ходили. Поднялся буран и я, не доходя своей баньки, заблудилась на огородах и погибаю и кричу: «Отец Иоанн, я погибаю, помоги». Скоро вышла на чужой задний двор, потом опомнилась, где я и вышла на улицу, а моя мама стоит у угла бани и кричит меня: «Где ты, моя горькая?». Она меня ждала и не ждала, это было в 12 часов ночи. Подошла я к матери, мы с ней обнялись и тихо рыдали, а когда вошли в баню, пали перед иконами и молились со слезами.

Меня больше не беспокоили, и мы продали баньку. И вдруг – реформа денег. Я опять поехала к старцу: «Отец Иоанн, благослови.

Где купить домик?». Старец сказал: «В городе, только было бы немного землечки. Да где Господь пошлет». Я приехала, а мне сестра говорит: «Вот на этой улице – маленький домик, пойдем». Хозяйка этого дома уехала в Кенигсберг, а ее дочка осталась здесь и все ждала, что мать прийдет. Мать прислала письмо, чтобы дом быстрее продавали. Я купила этот домик, но соседи с обеих сторон не покойные были, у них не было отцов, и по два парня – хулиганы. С первой же ночи стали кидать в крышу и в окна камни. Я опять поехала к старцу, рассказала. Старец сказал, что лучше жить со зверями, не как с этими людьми и велел молиться.

В 1947 году я поступила работать в Туберкулезный госпиталь, ухаживать за ранеными. Работала одна за двоих и была в почете. Однажды на меня напала начальница отделения, стала высказывать то, в чем я не виновата. Я поехала к старцу. «Благослови, Отец Иоанн, мне уволиться, не могу больше работать». Но старец сказал: «Нет! Работай. Не благословляю. Перейди в другое отделение». Но меня не перевели, так я и работала – слезы глотала. Поехала еще и в другой раз, говорю: «Батюшка, благослови уволиться, ведь чахоткой заражусь. Мать моя старая, дочка малая». Опять говорит: «Нет, работай и молись». Так доработала я до пенсии и не заболела, и батюшка говорил: «Не заболеешь, молись».

В 1938 году мой брат был призван в армию и уже отслужился, но началась война, он пошел на фронт и пропал без вести. 10 лет от него ничего не было. Пошла моя мама к старцу и говорит:

- Батюшка, я отпую своего сына?

- Нету, нету, не надо, он живой.

И верно, был он живой. 10 лет от него ничего не было, и пришел, не ранен и умер в 1994 году 26 июля. Вот кто был святой старец.

В 1949 году моя девочка попала под грузовую машину и пробила крылом кузова правый весок, и с ней было плохо. Доктора предложили положить ее в больницу, где лежат безумные. Тогда моя мать велела мне ехать к старцу. Когда пришли, сказали, что старец болеет. Я подошла сзади к сенкам и стала дергать соломку, думаю: «Заварю ее, и буду поить дочь». Через некоторое время открывается дверь, и послушница Наташа говорит: «Кто здесь с девочкой, идите». Я от горя воскликнула: «Слава Богу». Вошла, у порожка упала на колени и так же подошла к старцу. Он меня благословил и говорит: «И так иди к иконам и молись». Я не помню, как и сколько я молилась, только потом услышала, что моя дочка читает «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас». Старец говорит: «Читай, читай» и сам читает, а потом позвал меня, дал водички и дочке 10 рублей денег. Я говорю: «Отче, зачем Вы дали». Он же сказал: «Никто ее ничем не порадует. Отслужите молебен». Через 5 суток

моя дочь успокоилась, и как будто все прошло. А раз ее напугали в лесу, когда ходили с ней собирать ягоды, и она по-старому заболела. Поехали к старцу, он дал ей водички... Это было чудо и светильник Господень.

В 1959 году умерла моя мама, мне еще хуже стало. Дочка пошла работать, я дома сидела. Соседи издеваются – не в силу и батюшка умер. И вот у меня заболела правая нога, 3 года ходила со слеза-

Любовь Ивановна Резикова

ми – что делать. Обращалась к Богу: «Господи, помоги, нога деревенеет». И Господь дал разума поехать к батюшке. Поехать решила, а идти не могу, нога в колене совсем не гнется, как палку за собой тащу. Позвала я одну женщину, она со мной поехала, и когда я сошла с поезда, то не знала, как дойду. Но сделала шаг и второй и пошла моя нога и мы с ней пошли прямо в соловцовский храм. Пришли, а служба кончилась, мы помолились в храме, и пошли на могилку к батюшке. И когда пришли, я упала на колени на могилку и горько плакала. «Дорогой батюшка, я не знаю о чем тебя просить. Как у меня болит нога, и дочка болеет, и еще продается домик и полдома. Батюшка, благослови, жить не возможно: с огорода все стаскивают, жгут, ломают, ночью стучат в дверь. В милицию не иду, сосед тюремщик говорит: «Если пойдешь в милицию, до тех пор и живешь». Стали дочку встречать с работы ночью...». Поплакала, попросила и уехала. Дома на ночь водичку, что в роднике набрала, к ноге прикладывала, и прошла моя нога. А через 5 суток получила во сне от батюшки благословение – дом не покупать. Дочь говорит мне: «Мама, у нас на работе создается кооператив, давай войдем в него и уйдем отсюда». Я говорю: «Не пойду, там нет земли, я люблю землю». Все же дочка вступила в кооператив на одну комнату. 7 лет ждали квартиру, а в эти годы сколько было страстей и испуга, не знали, как и выжить от этого всего издевательства.

В 1979 году моя дочка опять заболела и я с ней поехала на могилку к старцу, почерпнули водички, поставили на могилку, помо-

ми – что делать. Обращалась к Богу: «Господи, помоги, нога деревенеет». И Господь дал разума поехать к батюшке. Поехать решила, а идти не могу, нога в колене совсем не гнется, как палку за собой тащу. Позвала я одну женщину, она со мной поехала, и когда я сошла с поезда, то не знала, как дойду. Но сделала шаг и второй и пошла моя нога и мы с ней пошли прямо в соловцовский храм. Пришли, а служба кончилась, мы помолились в храме, и пошли на могилку к батюшке. И когда пришли, я упала на колени на могилку и горько плакала. «Дорогой батюшка, я не знаю о чем тебя просить. Как у меня болит нога, и дочка болеет, и еще продается домик

лились, подошли как бы к благословию и в это время прилетели две птички желтенькие, одна побольше, другая поменьше. Я увидела их и обрадовалась: когда был жив батюшка, он говорил: «Я птичкой прилечу на могилку свою и посету вас и благословлю».

И вот моя дочь задыхается, у нее 10 лет была базедова болезнь, врачи говорят нужно делать операцию: дышать тяжело стало, кровь плохая. Долго не соглашались мы на операцию, но пришлось. После операции остановилось сердце, врачи сказали, что не выживет. Я же ходила вокруг больницы и смотрела на небо и верно омыла больницу слезами, но меня не пускали. Два часа я просила врачей хоть взглянуть, и доктор разрешил. Я вошла и не узнала свою больную, она была черная как уголь, и я с ней ночевала, все просила всех и особо батюшку. Сейчас пока дочка живет и все болеет и болеет. Еще старец говорил про нее: «Будет жить до старости и будет болеть и болеть. Не плачь раба, молись, молись». Дочка моя сделала 9 операций, а я сама – 4 операции и все были смертельными. Но за батюшкиной высокой молитвой пока еще живы, Господь хранит.

Ходили мы с дочкой на могилку летом 2 или 3 раза. Однажды поехали к батюшке на источник, помолились, умылись, взяли водички. Подошли к благословию, к Спасителю приложились и к Божией Матери и старцу зажгли лампаду. Взяли из дома канон и прочитали и помянули, как сумели, и горько плакали: у дочки слезы катились одна за другой. Поклонились над могилкой, так как ходили к живому старцу. Он и сам говорил: «Ходите ко мне на могилку, я птичкой прилечу». И когда мы сели у ног батюшки, чтобы помянуть его хлебушком и водичкой, вдруг видим, прилетела очень маленькая птичка, но не земная и села на веточку. Мы еще больше заплакали и были так рады, но рассмотреть ее не могли. Тогда мы еще поклонились, попросили в дорогу благословения, и пошли на вокзал. А когда шли, слышим, кто-то над нами поет как на могилке, а это та самая птичка-крошка летит над нами всю дорогу. И мы смотрели на эту радость и незаметно дошли до вокзала. Птичка опередила нас и села на ветку, как будто бы встретила нас. Мы посмотрели на нее в последний раз, поклонились и поблагодарили.

Мои дорогие, а нынешний год посетили с дочкой могилку 2 раза: получили исцеление, отнимались ноги. Вот ступили на эту землю и ножки пошли. Я, грешная Наталья, благодарю Бога за горькую судьбу, за слезовую жизнь, и чтобы мои глаза не были сухи до скончания моей жизни. Простите меня, грешную Наталью и храни Вас Господь».